

(спб.)

м. 1516

с. 2.

ТЕАТРЪ, МУЗЫКА И ИСКУССТВА.

Письма изъ партера.

II.

Александринскій театръ.

« Чайка », ком. въ 4-хъ дѣйств. Антона Чехова, въ 1-й разъ.

Отдѣльные штрихи, даже нѣкоторыя лица—все это такъ живо, ярко, и въ то-же время въ общемъ это такъ сумбурно и дико. Это не чайка, просто дичь. Въ чемъ тайна ея неуспѣха, я не знаю. Неужели играли александринскіе актеры хуже, чѣмъ они обыкновенно играютъ? Въ самомъ дѣлѣ, надо отдать имъ справедливость—они были невозможны. Еще недурна была г-жа Коммисаржевская, но остальные какъ-то мямлили, жевали фразы, ходили, какъ отравленные. Сразу былъ взятъ невѣрный тонъ, и ужъ комедія была сорвана. Началась негѣпица въ лицахъ, кто въ лѣсъ, кто по дрова; г. Давыдовъ только хромаетъ, г. Варламовъ только рассказываетъ скучные анекдоты, г. Сазоновъ только записываетъ, г. Панчинъ только курить и говорить глупости...

Много мелкихъ и одностороннихъ наблюдений, отличающихъ беллетриста, привыкшаго къ писанію небольшихъ очерковъ и рассказовъ, гдѣ и эскизнаго мазка достаточно иногда, но обличающихъ также и неопытнаго драматурга, въ распоряженіи котораго совсѣмъ другія краски. Это все равно, если-бы живописецъ вадумалъ сдѣлать статую не изъ мрамора, а изъ тѣхъ матеріаловъ, къ которымъ привыкъ. Замыселъ великій, а результатъ ничтожный. Еще причина, почему пьеса не была принята ни актерами, ни публикою: всѣ были сконфужены. Съ какого мѣста начался этотъ конфузъ, въ точности нельзя опредѣлить. Лица горѣли отъ

стыда.

Актриса Аркадина живетъ съ знаменитымъ беллетристомъ Тригоринымъ; онъ, кажется, у ней даже на содержаніи. Этотъ Тригоринъ, впрочемъ, похожъ скорѣе на лакеяткія у него манеры. Дочь богатаго помѣщика Нина Зарѣчная (родители ея не выведены) не любитъ больше декадента Треплева, сына актрисы Аркадиной, а влюбляется въ беллетриста, который все ходитъ съ записной книжкой и надѣдаетъ ею зрителишъ до чертиковъ. Нина и есть чайка.

Чайку соблазняетъ беллетристъ, а изъ птицъ того-же имени, убитой Трепловымъ, велитъ сдѣлать чучело; кромѣ того, пишетъ небольшую повѣсть на тему «Чайка». Однимъ словомъ, подлецъ и тусклое ничтожество. Нина убѣгаетъ изъ дома, имѣетъ ребенка отъ Тригорина, поступаетъ на сцену, и сходитъ съ ума. «Я чайка, чайка!»

Декадентъ, работавшійся за два года въ беллетриста, котораго, наконецъ, печатаютъ, рветъ свои бумаги (г. Аполлонскій такъ комично это дѣлаетъ, что въ публикѣ раздается смѣхъ, какъ и вообще во всѣхъ патетическихъ мѣстахъ комедіи) и стрѣляется второй разъ. Братъ Аркадиной Соринъ засыпаетъ или умираетъ на сценѣ. Эффектъ выстрѣла—весьма трагическій моментъ—тоже ослабленъ неумѣстной ложью доктора, объяв-

ляющаго, что это разорвало бутылку съ эфиромъ.

Самое живое лицо въ пьесѣ—Соринъ. Онъ напоминаетъ того старика, который выведенъ Золя въ романѣ «La joie de vivre» и который сохраняетъ любовь къ жизни, даже превратившись въ подагрическую развалину, не могущую пошевелиться безъ чужой помощи.

Безконечно жаль, что пьеса такъ не удалась. Я вотъ заканчиваю это письмо и хочу вспомнить, что было въ ней хорошаго. Въ ней было хорошо озеро, и было еще нѣсколько искорокъ въ игрѣ г-жи Комиссаржевской... Я ужъ сказалъ объ этомъ выше... Но и тѣ искорки погасли, когда поэтической Нинѣ пришла несчастная фантазія надѣть на себя простыню, стащивъ ее съ постели, новидимому, нарочно для этого приготовленной.

Ничего не значить! Чеховъ все-таки большой писатель. Вѣчныя похвалы парализовали въ немъ критическое отношеніе къ себѣ; но это на время. Неудача должна послужить ему-же на пользу. Мы еще увидимъ не одну его замѣчательную комедію. Вѣдь и Наполеонъ проигрывалъ битвы. Не надо только терять мужества.

Х

Я.

<и.и. Ясинскій>